

О.А. Егоров

**ВТОРОЙ ДИРЕКТОР
ЛИСИНСКОГО УЧЕБНОГО ЛЕСНИЧЕСТВА
АНДРЕЙ (ЙОГАН РЕЙНГОЛЬД КАРЛ ГЕНРИХ)
ВАСИЛЬЕВИЧ ГАРФ (1789–1851):
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

Андрей Васильевич Гарф родился 29 сентября (по другим данным, 5 октября)¹ 1789 г. в столице Курляндии Митаве (с 1917 г. город Елгава в Латвии) в семье купца. При крещении мальчик получил имя Йоган Рейнгольд Карл Генрих², причем последнее было принято в качестве главного его имени. *«Но как имя Генрих обыкновенно в русском переводе заменяется Андреем, то с поступлением моим в учебное заведение я был именован Андреем Гарфом»*³.

Отец мальчика — Ульрих Фердинанд Вильгельм Гарф (Ulrich Ferdinand Wilhelm Harff) — был уроженцем Курляндии. Он родился на мызе Попен Пильтенского уезда⁴. Звание купца получил в 1757 г.⁵ Мать — Маргарита, урожденная Боркевиц (Margareta Borkewitz)⁶.

После присоединения в 1795 г. герцогства к России Ульрих Гарф присягнул ей на подданство⁷. А так как в это время Генриху было всего шесть лет, то по малолетству он не приносил присяги на подданство Российской империи. Это, в свою очередь, при его поступлении на казенную службу вызвало неточность в записях в его формулярном списке, в котором он оказался записан с формулировкой «из иностранцев». На резонный вопрос вышестоящего начальства, когда он присягал на подданство России, Андрей Васильевич ответил, *«что как отец мой, так и я родились в Курляндии, то всегда считал себя подданным России и потому полагаю, что формулярный список, доставленный из Курляндской палаты, составлен в этом случае ошибочно»*⁸. Претензии по происхождению были сняты, а неточность записи в формулярном списке Гарфа была устранена.

После получения домашнего образования в 1808 г. Генрих Гарф поступил в Орловский практическо-теоретический лесной институт, учрежденный главным директором государственных лесов⁹ графом Г.В. Орловым (1777–1826) и располагавшийся на Елагином острове, тогда за городской чертой Петербурга. Возможно, Генрих поступил сначала в Рижское лесное училище, а уже после его перевода и слияния с Орловским лесным институтом, случившегося в 1808 г., попал в последний. Почему купеческий сын пошел не по стезе отца, а выбрал лесную службу, сказать трудно.

В 1810 г. Андрей Васильевич окончил Орловский лесной институт и после сдачи экзаменов 4 марта был удостоен звания форстмейстера (ферст-, фершт-, форст-, форшт- — в разных документах писалось по разному. — *О.Е.*) и 13 мая 1810 г. за отличие в науках высочайшим указом произведен в XIV класс¹⁰.

Пройдя дополнительную подготовку, Гарф на публичном экзамене 15 октября того же года был вторично испытан в науках, касающихся лесоводства, и удостоен звания ученого форстмейстера¹¹. Оба аттестата Андрея Васильевича были подписаны действительным статским советником, камергером высочайшего двора, государственных лесов главным директором Орловым и директором Орловского лесного института Фридрихом Стефансоном. 30 ноября 1810 г. Гарф был произведен в губернские секретари, то есть в XII класс.

Звание ученого форстмейстера было не просто на ступень выше звания форстмейстера, но позволяло по мере прохождения службы занять должности выше местечкового лесничего, то есть уездного и губернского, а также заниматься преподаванием лесных наук.

4 января 1811 г. Андрей Васильевич был назначен на должность Виленского губернского форстмейстера. 25 февраля 1813 г. он получил назначение в родную Курляндию на должность форстмейстера Нейгутского форста (лесничества). В Курляндии должность форстмейстера примерно соответствовала должности уездного лесничего в остальной России. 31 декабря того же года по выслуге лет он был произведен в коллежские секретари, а в 1817 г. — в титулярные советники.

Прослужив в должности Нейгутского лесничего почти 24 года, 1 сентября 1841 г. Андрей Васильевич получил назначение на должность Митавского окружного лесничего, а уже 10 декабря 1841 г. был назначен на должность ученого (главного) лесничего Курляндской окружной палаты государственных имуществ¹².

В марте—октябре 1831 г. Гарф принял участие в подавлении Польского восстания. За поход против «литовских мятежников» Андрей Васильевич получил свою первую награду — орден Святой Анны III степени с бантом, то есть боевую награду¹³. А 12 августа 1833 г. Гарф получил свою вторую награду — бриллиантовый перстень от цесаревича Александра Николаевича¹⁴. За что Андрей Васильевич удостоился такой высокой награды — неизвестно, но, по всей видимости, именно эта награда сыграла свою роль в последующей карьере Гарфа. 22 августа 1836 г. Гарф был награжден знаком беспорочной службы за 25 лет¹⁵.

После присоединения Курляндии к России в 1795 г., ее лесное управление и организация лесной службы были оставлены такими же, как было при герцогах Курляндских. После очередного реформирования лесной службы в Российской империи и учреждения в 1839 г. Корпуса лесничих, лесное ведомство получило военную организацию и было отнесено к фронтовым частям, соответственно и все его чины были переименованы в воинские звания и получили все права военной службы. Лесная же часть Курляндской губернии была оставлена до особого распоряжения.

11 февраля 1842 г. министр государственных имуществ граф Павел Дмитриевич Киселёв (1788—1872) приказал курляндскому ученому, лесничему Гарфу прибыть в Петербург¹⁶. В середине марта 1842 г. Андрей Васильевич прибыл в Петербург и 28 марта получил предписание исполнять должность директора Лисинского учебного лесничества, для чего немедленно отправился в лесничество¹⁷.

27 мая 1842 г. Гарф отпрапортовал в 3-й департамент Министерства государственных имуществ о приеме лесничества от первого директора Лисинского учебного лесничества Балтазара Ивановича Фрейрейса (1789 — после 1842) и попросил разрешения отбыть из лесничества в Курляндию для приведения в порядок домашних дел. 4 июня 1842 г. Гарфу было разрешено отбыть в Митаву для сдачи дел ученого лесничего. Срок на это был дан три недели, по истечении которого Гарф должен был возвратиться в Лисинское лесничество¹⁸.

В октябре 1842 г. Гарфу было выдано денежное пособие в поощрение на будущее время — 380 руб. 95 коп. серебром — из сумм, выручаемых от продажи лесных материалов. 6 ноября 1842 г. Андрей Васильевич был произведен в коллежские ассессоры со старшинством с 31 мая 1842 г.¹⁹

Перевод из Курляндии, оставшейся в рамках местного лесного законодательства, означал и изменение в гражданском статусе Андрея

Васильевича. 15 марта 1843 г. приказом по Корпусу лесничих № 20 Гарф был переименован из коллежских асессоров в майоры Корпуса лесничих²⁰. И 5 апреля того же года приказом по Корпусу лесничих № 27 Андрей Васильевич был утвержден директором Лисинского учебного лесничества²¹. А 5 сентября 1843 г. переименование Гарфа в воинское звание было высочайше утверждено²².

С переходом из гражданской службы в военную Гарф столкнулся с необходимостью подачи прошения о разрешении на ношение очков. В военной службе по Николаевскому уставу ношение очков запрещалось. На их ношение требовалось высочайшее разрешение. 18 апреля 1843 г. Гарф подал прошение по инстанциям о позволении ему носить очки по-прежнему. 30 апреля 1843 г. министр государственных имуществ своим приказом разрешил Гарфу ношение очков²³.

Перевод Гарфа из Курляндии в Лисинское учебное лесничество был далеко не случайным. Граф Киселёв, личный друг Николая I, осуществлявший под непосредственным руководством императора сложнейшую реформу по преобразованию системы управления всеми государственными имуществами империи, в том числе государственными лесами, хотел не просто создать из Лисинского учебного лесничества образцовое лесничество, но такое, в которое не стыдно было бы пригласить императора. Если инициатором создания Лисинского учебного лесничества граф Канкрин в своем детище не был ни разу, то Киселёв за годы своего управления Министерством государственных имуществ бывал в лесничестве по 3—4 раза в год, внимательно вникая во все части и вопросы, стоящие перед лесничеством. И также внимательно граф отнесся и к подбору высших чинов лесничества. Можно сказать, что Андрей Васильевич Гарф полностью оправдал выбор министра. И хотя Николай I, к большому огорчению Киселёва, так и не посетил Лисинское лесничество, зато его посетил гость не меньшего ранга. 21 декабря 1844 г. в Лисинское лесничество на лосиную охоту приехал цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II. Именно в Лисино Александр Николаевич убил своих первых медведя и лося и до конца жизни сохранил глубокою привязанность к лесничеству. В этом была немалая заслуга его директора — Андрея Васильевича Гарфа, сумевшего за короткий срок превратить лесничество в образцовое.

Заслуги Гарфа были отмечены. 22 августа 1845 г. он был награжден знаком отличия беспорочной службы за 30 лет на Владимирской ленте²⁴. А 22 сентября того же года Гарфу был пожалован орден Св. Вла-

димира IV степени за 35-летнюю службу в классных чинах, дававший право на потомственное дворянство²⁵. 30 апреля 1846 г. Гарфу за «*отлично усердную и полезную службу*» был пожалован в пособие годовой оклад жалованья, то есть 1143 руб. 68 коп. серебром²⁶.

Через год Андрей Васильевич получил благодарность и от цесаревича. 13 марта 1847 г. из Лесного департамента в лесничество пришло следующее письмо:

*«Милостивый Государь,
Андрей Васильевич!*

Господин Министр Государственных Имуществ изволил приказать объявить Вашему Высокоблагородию, что Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич соизволил остаться весьма довольным произведенной 6 числа текущего месяца охотой»²⁷.

31 марта 1847 г. Гарф был произведен в чин подполковника²⁸. 15 мая 1847 г. через шталмейстера двора наследника Н.М. Толстого (1806—1867) Андрей Васильевич получил пожалованный ему цесаревичем бриллиантовый перстень.

*«Милостивый Государь,
Андрей Васильевич!*

Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич в знак своего благоволения к Вам изволил пожаловать бриллиантовый перстень.

Препровождая при сем оный к Вашему Высокоблагородию, прошу Вас о получении оного меня уведомить и принять уверения в моем к Вам почтении и преданности.

Толстой»²⁹.

22 августа 1848 г. Гарфу был пожалован знак отличия беспорочной службы за 35 лет на Георгиевской ленте³⁰. А 10 апреля 1850 г. Андрей Васильевич получил свою последнюю награду — орден Св. Анны II степени «*за примерно-усердную, ревностную и неутомимую деятельность по ведению вверенного ему заведения до отличного состояния*»³¹.

1 мая 1850 г. Гарф в рапорте в Лесной департамент попросил позволения на двухмесячный отпуск для лечения на Бальдонских минеральных водах в Курляндии с первых чисел июня. В рапорте он впервые пожаловался на сильные головные боли, связанные, по его мнению, с переменной климата на более суровый в зрелом возрасте, и попросил сохранить за ним его жалованье на этот отпуск³².

22 мая 1850 г. министр государственных имуществ разрешил Гарфу отпуск на два месяца на Бальдонские минеральные воды в Курлян-

дию. Вместо жалования разрешил выдать Гарфу равную пособию сумму из экстраординарных сумм капитала Корпуса лесничих³³.

26 марта 1851 г. ученый лесничий Лисинского учебного лесничества Константин Богданович Бекман (1821—1892) донес в Лесной департамент, что *«Г. Директор Лисинского Учебного Лесничества Подполковник Гарф после произошедшего 22 марта с ним удара от паралича сего числа в 2 часу утра скончался»*³⁴.

Высоко ценивший Андрея Васильевича граф Киселев в своем докладе на высочайшее имя, испрашивая пособие вдове, так охарактеризовал Гарфа:

«Бывший Директор Лисинского Учебного Лесничества, Подполковник Гарф, прослужив более 40 лет по лесному ведомству, 26 Марта сего года умер, оставив жену и детей в самом крайнем положении.

*Принимая во внимание долговременную, отлично-усердную службу покойного, заслуги его по управлению образцовым учебным лесничеством и по практическому образованию выпускаемых из Лесного института молодых офицеров, также несчастное положение семейства его, оставшееся без всякого состояния, я осмеливаюсь всеподданнейше ходатайствовать о Всемилостивейшем соизволении Вашего Императорского Величества, на выдачу вдове Гарфа в пособие, независимо от той пенсии, какая следоватъ будет по закону, годового оклада содержания мужа ее, составляющее 1143 руб. 68 коп. серебром из остатков от штатных сумм Корпуса лесничих, которые по закону предоставлены в распоряжение Министерства между прочим и на пособие чиновникам и семействам их. Граф П. Киселёв»*³⁵.

На докладе министра государственных имуществ стоит резолюция: *«Высочайше повелено исполнить. С.-Петербург, Апреля 28 дня 1851 г.»*.

Вдова Гарфа Елизавета после смерти мужа проживала в Петербурге по 15-й линии Васильевского острова в доме статского советника Михайлова.

Всего Андрей Васильевич был женат дважды, причем на родных сестрах, дочерях Георга Фридриха Бильтерлинга (Georg Friedrich Bilterling). На Елизавете (Elisabeth 14.06.1825 — около 1892 в С.-Петербурге) он женился, когда служил в Нейгутском лесничестве, по всей видимости, после смерти первой жены Елены (Helena Carolina). Подобное практиковалось довольно часто, чтобы дети от первого брака не попадали в чужие семьи. Всего у Андрея Васильевича от обоих браков было шестеро детей³⁶.

В отечественных архивах сохранились сведения о двух сыновьях Андрея Васильевича — Владимире, окончившем Петербургский лесной институт, и Александре, окончившем Нейштадтский лесной институт. Оба до выхода в отставку работали лесничими. Последний, Александр Андреевич (2.05.1819—8.06.1892), скончался в Петербурге и был похоронен на Смоленском евангелическом кладбище³⁷. Могила не сохранилась.

В Государственном архиве Российской Федерации в отдельной папке хранятся пять картин художника Франца Тейхеля, выполненные в 1853 г. и изображающие охоту цесаревича Александра Николаевича на медведей³⁸. Папка с картинами Тейхеля происходит из кабинета императора Александра II в Зимнем дворце. В кассовых книгах придворной конторы цесаревича за 10 июня 1853 г. есть следующая запись: «Государю Наследнику благоугодно было повелеть заплатить живописцу Тейхелю семьсот рублей серебром, за представленные им Его Императорскому Высочеству четыре акварельных рисунка, изображающих медвежьи охоты, в коих Его Высочество участвовал»³⁹. А через год, 8 августа 1854 г.: «Государю Наследнику благоугодно было повелеть заплатить живописцу Тейхелю пятьсот сорок рублей серебром за представленные им Его Императорскому Величеству девяносто фотографических рисунков, изображающих медвежьи охоты, в коих Государь Цесаревич изволил участвовать»⁴⁰.

Появившаяся фотография открыла широкие возможности для того, чтобы запечатлеть ускользающее время. Этими возможностями фотографии одними из первых воспользовались именно художники. Они, как правило, и были первыми фотографами. Поэтому, несомненно, что приобретенные цесаревичем 90 фотографий были сделаны Тейхелем намного раньше написания им самих картин. Вряд ли художник делал свои снимки непосредственно в момент самой охоты. Это было просто невозможно по состоянию той фотографической техники. Но то, что он сделал их, скажем так, «около охоты», не подлежит никакому сомнению. Следовательно, лица, участвовавшие в охотах цесаревича, их снаряжение и т.п. на картинах Тейхеля подлинные, перенесенные им с фотографий. Кроме всего прочего, следует учесть, что сами эпизоды охоты и те лица, которые должны были быть изображены на этих эпизодах, определялись не художником, а заказчиком, в данном случае цесаревичем Александром Николаевичем.

Трудно сказать, почему в папке, хранившейся в кабинете Александра II, не четыре картины, которые были приобретены у художника

в 1853 г., а пять. Причем стоит отметить, что все эти пять картин помечены художником именно 1853 г. Сохранились сведения о приобретении Александром II у Тейхеля еще четырех картин: двух — 15 мая 1863 г.⁴¹ и двух — 29 декабря 1868 г.⁴² Но что на них было изображено — неизвестно. Каких-либо сведений о приобретении государем других картин Тейхеля мне разыскать не удалось.

Из пяти представленных в папке картин Тейхеля для нас интересна одна⁴³ (рис. 1). На ней изображен финал охоты, когда цесаревичу подносят живого медвежонка. На этой картине мы видим две группы охотников. Одна — центральная: цесаревич с двумя приближенными. Чуть левее еще одна группа охотников из трех человек: унтер-офицера, офицера и генерала. По сторонам — остальные участники охоты. То, что здесь особо выделены именно две группы охотников, без всякого сомнения, указывает на желание цесаревича видеть на этой картине именно их. Самое интересное — что офицер на этой картине изображен в очках. Как было замечено выше, Андрей Васильевич при переходе на воинскую службу получил специальное разрешение на ношение очков.

То, что на картине изображен именно фронтовой офицер, не вызывает никаких сомнений. Кокарда у него находится на околыше. Штатским и офицерам нестроевых частей полагалось носить ее на тулье. На его лице усы. А в николаевской России штатским и нестроевым офицерам усы носить не позволялось. На его мундире видны петлицы под эполеты. Согласно положению о ношении формы, офицерам Корпуса лесничих во время работ в лесу разрешалось снимать эполеты с мундира, причем это допускалось и в присутствии высших чинов и высочайших особ. Единственное сомнение в том, что перед нами изображен именно офицер Корпуса лесничих, возникает из-за того, что выпушка на его мундире красного цвета, а не светло-зеленого, как на мундирах Корпуса лесничих. Однако если учесть, что художник писал свои картины, используя черно-белые фотографические снимки, вполне можно допустить ошибку в цвете выпушки, сделанную самим художником. Ко всему прочему, хотя офицерам придворной охоты (егеря которой изображены за рассматриваемой нами группой) высочайшим повелением и было дозволено носить усы, но относились они сугубо к гражданскому ведомству и носили на своих сюртуках и шинелях погоны из плетеного шнура желтого цвета, что хорошо видно на рассматриваемой картине Тейхеля.

Не должен нас смущать и год написания картины — 1853, хотя Андрей Васильевич Гарф, как мы знаем, скончался в 1851 г. Кто должен был быть изображен в сцене охоты на медведей цесаревича, решал сам Александр Николаевич. И он вполне мог посчитать резонным заказ изобразить на этой картине человека, под руководством которого он убил своего первого медведя и своего первого лося и к которому вслед за графом Киселёвым относился с большим уважением. А сами фотографические портреты участников первых охот цесаревича у Тейхеля, без всякого сомнения, были.

Следует добавить, что на близких по годам к картинам Тейхеля (1858—1859) акварелях придворного художника Михая Зичи, изображающих охоту императора Александра II, мы не видим никого на придворной охоте и в ближайшем окружении государя, носившего бы очки.

Поэтому, принимая во внимание все соображения и, несомненно, подтвержденный документально факт ношения Андреем Васильевичем очков, можно сделать однозначный вывод о том, что на картине Франца Тейхеля изображен именно Андрей Васильевич Гарф.

В 1857 г. художником В. Тимме, издававшим «Художественный листок», была сделана серия черно-белых литографий, изображавших нового императора. Среди них две литографии были выполнены им с картин Тейхеля. Нет сомнений, что сюжеты этих литографий были согласованы с Александром II. На одной из них (под № 5), озаглавленной «Охота на медведя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. Конец охоты», можно видеть рассматривавшуюся выше картину Тейхеля. Литография Тимме сделана очень близко к оригиналу, хотя на ней и убран целый ряд боковых стафажных фигур. Но последнее обстоятельство сыграло даже положительную роль, так как позволило усилить акцент на двух главных группах охотников.

В 1860—1870-х годах художник А.К. Беггров выпустил две цветные литографии, повторяющие оба сюжета картин Тейхеля и изображающие охоту императора Александра II на медведя. Но для своих литографий художник не воспользовался оригиналами Тейхеля, а сделал их с художественного листка Тимма. Надо думать еще и о плохой сохранности, так как лица многих участников оказались сильно искажены по сравнению с оригиналами, к тому же генерал во второй группе охотников оказался стоящим отдельно от двух других охотников, то есть эта группа распалась. В довершение всего Беггров отзеркалиро-

Рис. 1. Охота цесаревича Александра Николаевича на медведя. Снимок с литографии В. Тимме 1857 г., выполненной с картины Ф. Тейхеля 1853 г. Четвертый охотник слева — Андрей Васильевич Гарф

вал литографию, что, впрочем, случалось довольно часто при литографировании.

Примечание: автор благодарит Николая Гарфа (Великобритания), прямого потомка Андрея Васильевича Гарфа, за помощь при написании этого очерка.

1. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
2. Так в формулярном списке. По семейному архиву Гарфов в другой последовательности: Reinhold Johann Heinrich Carl. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
3. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 139.
4. По другим сведениям, в городе Baldohn (Baldone, Baldones pilseta, Baldones novads) в 1755 (или 1751) г. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
5. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 543.
6. Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.
7. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 475.
8. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 48.

9. Главный директор государственных лесов возглавлял Лесной департамент. Этот департамент был учрежден в 1798 г. при Интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии, в 1802 г. вошел в состав Министерства финансов, с 1811 г. преобразован в Лесное отделение Департамента государственных имуществ Министерства финансов.

10. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 70 об.

11. Там же. Л. 71.

12. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 457–460. Формулярный список 1842 г.

13. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 206. Л. 92. С 1828 по 1855 г. Анна с бантом дала за военные заслуги.

14. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 457–460.

15. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 80.

16. РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 2.

17. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 2.

18. Там же. Л. 36.

19. Там же. Л. 57.

20. Там же. Л. 53; РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 515.

21. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 54; РГИА. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10033. Л. 522.

22. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 206. Л. 92.

23. ЦГИА СПб. Ф. 1489. Оп. 2. Д. 31. Л. 56.

24. Там же. Л. 93.

25. Там же. Л. 96.

26. Там же. Л. 99.

27. Там же. Л. 103.

28. Там же. Л. 117.

29. Там же. Л. 106.

30. Там же. Л. 140.

31. Там же. Л. 153.

32. Там же. Л. 147.

33. Там же. Л. 150.

34. Там же. Л. 164; РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 16041. Л. 1.

35. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 227. Л. 228–228 об.

36. Anna Johanna Wilhelmine (14.01.1812, Mitau — 12.07.33, Neugut); Wilhelm Gregor Friedrich (23.08.1814, Neugut — 23.05.1833); Elisabeth (род. около 1815 г.); Maria Larise v. Harff (19.10.1816, Neugut — 07.08.1886, St. Petersburg); Alexander Georg Gustav v. Harff (02.05.1819, Neugut — 08.07.1892, St. Petersburg); Wolde-mar (родился около 1822 г.). Архив Н. Гарфа (Nikolaus Harff), Великобритания.

37. Николай Михайлович // Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1.

38. ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 878.

39. РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 473. Л. 58.

40. РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 527. Л. 85.